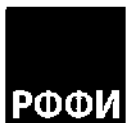

УДК 39
ББК 63.5
Т136

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
по проекту № 20-19-00051,
не подлежит продаже*

Ответственный секретарь серии «Народы и культуры»
Л.И. МИССОНОВА

Рецензенты:

доктор исторических наук В.В. ТРЕПАВЛОВ,
доктор исторических наук Р.Я. ШАРИФОВ,
доктор исторических наук Л.А. ЧВЫРЬ

Таджики / отв. ред. Н.А. Дубова, Н.К. Убайдулло, З.М. Мадамиджонова;
Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН ; Ин-т истории,
археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ – М. : Наука, 2021. – 1005 с. –
(Народы и культуры) – ISBN 978-5-02040840-1

Коллективная монография «Таджики» – очередной том издаваемой ИОА РАН многотомной серии «Народы и культуры» (проект разработан Институтом этнологии и антропологии РАН в 1992 г.). Данный труд представляет собой фундаментальное обобщение исторических, этнографических, демографических, антропологических материалов по таджикскому народу, как полученных в последние годы, так и опубликованных до настоящего времени. Подготовлена авторская карта расселения таджиков по имеющимся статистическим источникам, включая последнюю Перепись населения РФ. Привлечены данные разных лет, характеризующие различные исторические эпохи (в том числе иллюстративные материалы, служащие ярким и ценным источником информации) как российских, так и таджикских научных организаций. Книга содержит достоверные знания по вопросам происхождения таджикского народа, его расселению, особенностям жизнедеятельности, основным занятиям, жилищу, одежде, системе питания, обрядам, обычаям, праздникам, народному творчеству. Специальное внимание уделено изучению таджикской диаспоры, в том числе на территории Российской Федерации. Подобное обобщение этнографических, антропологических и исторических данных о таджиках ранее не проводилось.

Для этнологов, антропологов, историков и широкого круга читателей.

ISBN 978-5-02040840-1

- © Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2021
- © Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ, 2021
- © Коллектив авторов, 2021
- © Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, иллюстрации, 2021
- © Российская академия наук и издательство «Наука», серия «Народы и культуры» (разработка, оформление), 1992 (год основания), 2021
- © ФГУП Издательство «Наука», редакционно-издательское оформление, 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
-----------------------	---

Глава 1

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

Изучение этнографии таджиков в новейшее время (1918–2019) (<i>А.В. Валиев</i>)....	11
Среда обитания (<i>Х.М. Мухаббатов</i>)	27
Освоение древними популяциями территорий Центральной Азии (<i>Т.Г. Филимонова</i>)	46
Антропологические сведения (<i>И.А. Дубова</i>)	60
Древние и средневековые языки Среднего Востока (<i>П.Б. Лурье</i>)	100
Таджикский язык и его развитие (<i>С. Назарзода</i>)	123

Глава 2

ЭТНОГЕНЕЗ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Происхождение этнонима «таджик» (<i>А.Н. Мухаммад</i>)	151
Арийская проблема в контексте изучения этнической истории (<i>Н.Дж. Ходжаева</i>)	163
Этнополитическая история в раннее Средневековье (I–VIII века) (<i>В.С. Соловьев</i>)	170
Таджики в IX–XIX веках (<i>А. Саидов, З.М. Мадамиджопова</i>)	189

Глава 3

ХОЗЯЙСТВО

Хозяйственно культурные типы в конце XIX – начале XX века (<i>Р.М. Абдулвахидов</i>)	201
Земледелие (<i>Т.С. Каландаров</i>)	220
Скотоводство (<i>А.Н. Ямсков</i>)	241
Ремесла, промыслы и народное изобразительное искусство (<i>Л.Н. Додхудоева</i>)	264
Ювелирное дело (<i>З. Умарова</i>)	308
Зарождение и эволюция текстильного производства таджиков (<i>М.Ф. Ибрагимов</i>)	333

Глава 4

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Монументальная историческая архитектура (<i>Р.С. Мукумов</i>)	369
Поселения и жилища (<i>Р.Г. Мурадов</i>)	393

Среди таджиков были распространены разные приемы определения урожайности приходящего года. Так, ягнобские дети на Навруз три раза бросали деревянную ложку через свето-дымовое отверстие на крыше дома (*равзан*) на пол. Если ложка падала дном вниз, то год обещал быть хорошим и богатым (*Мирзоев С.*, 2012. С. 58). Во время празднования Навруза в Шугнани в дом вводили быка и ставили перед ним доски с разложенными на них ячменем и травой. Если он сначала съедал ячмень, то считалось, что новый год будет богат хлебом. Если же бык отдавал предпочтение траве, то ждали скупой на урожай год (*Каландаров*, 2004. С. 363). В Вахане в роли быка выступал осел (*Мухиддинов*, 1989б. С. 24; *Крюкова*, 2005. С. 59–61). Конечно, повышение урожайности больше зависело от сельскохозяйственной науки Таджикистана. Так, на 1 апреля 1985 г. 99,7% директоров совхозов были дипломированными специалистами, из них 95,2% являлись специалистами сельского хозяйства (*Назаршоев*, 1989. С. 49).

Земледелие и земледелец занимали особое место в творчестве таджикских поэтов и писателей. Замечательный таджикский философ, мыслитель и поэт X в. Носири Хусров так восхвалял труд дехканина:

*Беҳ аз санноъи олам деҳқон аст,
Ки ваҳшу тайрро роҳатрасон аст...
Чаҳонро хуррамӣ аз деҳқон аст,
Ки хористон аз у чун бустон аст...
Ба роҳат аз даҳоқин мурғу мӯранд,
Ҳама гар одамию гар сутуранд...*

(*Носири Хусрав*, 2003. С. 887–888)

Что с земледелием сравниться может тут?
Зверей и диких птиц в хозяйстве приручает.
Крестьянин что ни год, то открывает клад:
Здесь пашня у него, а там цветущий сад.
Кормилец добрый он создания любого,
Будь это человек, овца или корова...

СКОВОДСТВО

В хозяйстве таджиков издавна сочетались земледелие и скотоводство, причём относительное значение той и другой отрасли в различных регионах существенно менялось от абсолютного доминирования земледелия в Ферганской долине до очень важной, если не преобладающей, роли скотоводства у жителей высокогорий Западного Памира. Советская этнография относил традиционные культуры оседлого населения всего горного пояса Южной Европы, Малой Азии и Кавказа, а также горных и предгорных районов Ближнего и Среднего Востока, Средней Азии (в том числе Таджикистана) и Южной Азии (Гималаев) к особому хозяйственно-культурному типу пашенных земледельцев и скотоводов теплого пояса (*Андрианов*, 1985. Карта на форзаце). Таковы самые общие отличительные черты традиционной

Карта. Основные маршруты весеннего перегона скота на рубеже XIX – XX вв.
(Источник: Абдулвахидов, 2011, с. 179).

→ Основные направления движения стад весной, и обратных перегонов осенью

культуры и хозяйства таджиков долин и предгорий нынешних Согдийской и Хатлонской областей и окрестностей Душанбе и Гиссара.

Существует также вполне обоснованное предположение, что хозяйственно-культурная дифференциация населения в горах западной и центральной Евразии, имевшая место в недавнем прошлом, свидетельствует о былом наличии в этой части мира еще одного хозяйственно-культурного типа – горных оседлых земледельцев и скотоводов субтропиков и южной части умеренного пояса с сезонным отходом со скотом части работников. Этот тип, со свойственными только ему сочетаниями особых форм пастушеского скотоводства и земледелия и с сезонной подвижностью определенной части населения, обусловленной ведением скотоводства, был характерен, в частности, для среднегорий и высокогорий Таджикистана, а также многих горных районов Кавказа. На примере последнего он и был описан (Османов, 1977. С. 41; 1984. С. 86–87; Ямсков, 1987. С. 188; Kobushev, 1982. P. 73). Этот же хозяйственно-культурный тип еще недавно преобладал по всей горной полосе Евразии, от Пиренеев на западе до Гиндукуша и Западных Гималаев на востоке.

Заметное, а в ряде случаев и весьма существенное значение скотоводства в хозяйстве населения и в экономике страны сохраняется в Таджикистане до сего дня. Наглядным свидетельством тому является даже облик склонов холмов вдоль дорог, ведущих с равнин в горы, – почти везде сверху

донизу они испещрены идущими строго параллельно друг другу тропками, практически точно повторяющими горизонтали. Эти тропки на склонах выбиты овцами при сезонных перегонах отар между равнинными зимними и высокогорными летними пастбищами. Не менее красноречивы и данные современной экономической статистики. Доля животноводства в общем объеме сельскохозяйственного производства в Таджикистане составляла примерно 30% в 2013 г. (Каримова, 2015. С. 23). При этом в частных хозяйствах жителей республики в 2012 г. находилось 93% крупного и 83% мелкого рогатого скота. В период 1991–2011 гг. общее поголовье крупного рогатого скота в республике выросло на 69%, яков – на 55%, мелкого рогатого скота – на 37%, лошадей – на 45%. Основной прирост дали именно частные хозяйства населения, тем самым компенсировав огромные общие потери поголовья в годы Гражданской войны 1992–1997 гг. и многократное снижение количества скота в крупных предприятиях различных форм собственности, пришедших на смену колхозам и совхозам. Однако из-за быстрого роста численности населения в Таджикистане, подушное производство в республике мяса и молока в 2011 г. составляло соответственно лишь 74% и 87% от уровня 1991 г. (Амиров, 2014. С. 113–115, 155).

Сельское хозяйство, в котором ныне занято более 50% трудоспособного населения, обеспечивает 20–22% ВВП Таджикистана. Из примерно 7,2 млн га всех угодий республики около 53%, или 3,8 млн га, приходится на пастбища, в состав которых входят 720 тыс. га зимних, 2 млн га летних, 740 тыс. га весенних и 400 тыс. га круглогодичных пастбищ. Для сравнения, посевные площади составляют всего 675 тыс. га, в том числе 470 тыс. га приходится на орошаемые поля, и еще более 115 тыс. га заняты садами и виноградниками (Амиршоев, 2018. С. 22).

Важное, а в некоторых случаях и ведущее значение скотоводства в традиционном хозяйстве таджиков обусловило давнее внимание исследователей к этой отрасли хозяйства. За минувшие годы были накоплены обширные фактические сведения по истории и этнографии скотоводства таджиков. Литературу с подобными данными можно условно разделить на несколько категорий.

Во-первых, следует вспомнить авторов второй половины XIX – начала XX в., в основном российских военных или чиновников, реже – людей с естественнонаучным образованием, которые лично побывали в различных регионах Средней Азии с таджикским населением и по итогам таких поездок оставили достаточно подробные описания культуры и хозяйства увиденных ими локальных групп. В этом контексте обычно называются и анализируются развернутая специализированная статья Г. А. Арандаренко о скотоводстве в Зеравшанской долине, первоначально опубликованная в «Туркестанских ведомостях» в 1880–1881 гг. (Арандаренко, 1889в), и некоторые другие работы этого автора (Арандаренко, 1889а, б), серии очерков Н. А. Маева (1879а–в), В. И. Липского (1902, 1905) и А. Е. Снесарева (1902, 1903, 1906), а также публикации И. И. Зарубина (1917), Н. Февралёва (1895), ставшего впоследствии академиком А. А. Семенова (1903) и многих других (Андреев, Половцов, 1911; Гребенкин, 1871, 1872; Акимбетов, 1881; Шишов, 2006. С. 209–221; и т.п.). Впрочем, гораздо более подробно об этом бога-

том пласте литературы, содержащей в том числе сведения по этнографии традиционного хозяйства и скотоводства таджиков, можно узнать, например, в посвященных историографии данного вопроса монографии (Валиев, 2013б) и специализированной статье (Дмитриев, 2014).

Во-вторых, можно выделить ряд публикаций советских исследователей первой половины – середины XX в., часто имевших специальную научную подготовку. Но главное в том, что эти авторы профессионально занимались историей, этнографией и экономикой крестьянского хозяйства накануне и в процессе коллективизации, т. е. на последнем этапе сохранения традиционного уклада жизни у таджиков. Среди них следует прежде всего отметить М. С. Андреева, начавшего работать еще до революции 1917 г. (Андреев, 1953, 1958), а также стоит упомянуть труды этнографа Н. А. Кислякова (1949а) и некоторых других ученых (Пещерева, 1927а, 1947; и др.).

Наконец, в-третьих, наиболее важное значение в данном контексте имеют исследования начала XXI в., выполненные высококвалифицированными специалистами по истории и этнографии скотоводства таджиков, а также по экономике (Амиров, 2014) и экологическим проблемам данной отрасли хозяйства Таджикистана. В этом плане особенно выделяются труды этнографа Р. Абдулвохидова и историка Х. Абдуназарова, которые являются авторами монографий (Абдулвохидов, 1997, 2011б; Абдуназаров, 2004, 2006) и подготовили докторские диссертации по данной тематике (Абдулвохидов, 2016; Абдуназаров, 2009). Именно последние по времени выхода в свет работы Рахматулло Абдулвохидова послужили основой для написания многих последующих частей данного раздела.

ТРАДИЦИОННОЕ СКОТОВОДСТВО ТАДЖИКОВ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Сочетание земледелия и скотоводства при очень существенных региональных и локальных вариациях форм ведения каждой из этих отраслей и их относительной роли в жизнеобеспечении – отличительная черта традиционного хозяйства таджиков и их предков, как уже говорилось выше. Например, подобный характер хозяйственной деятельности, то есть сочетание земледелия с выращиванием преимущественно овец, а также коз и крупного рогатого скота, фиксируется на западной окраине высокогорной Алайской долины в Киргизии, буквально рядом с границей современного Таджикистана, уже в конце III тыс. до н. э., т. е. в раннем бронзовом веке (Taylor et al, 2018. P. 15). В южном и юго-западном Таджикистане продвижение земледельческого населения с равнинного юга в предгорья и горы также привело, по мнению Ю. Г. Кутимова, к трансформации хозяйства за счет возрастания роли скотоводства и к сложению там земледельческо-скотоводческих или даже преимущественно скотоводческих культур на рубеже III–II тыс. до н. э. (Виноградова, Кутимов, 2018. С. 107–108). По некоторым оценкам археологов, во II тыс. до н. э. в этой горной части страны в структуре стада преобладал мелкий рогатый скот (МРС), составлявший около 55% поголовья, и примерно 35% поголовья приходилось на крупный рогатый скот (КРС) (цит. по: Виноградова, Кутимов, 2018. С. 104–105).

Таким образом, в горах на юге Средней Азии и, в частности, на территории современного Таджикистана историческая эволюция данного типа комплексного земледельческо-скотоводческого хозяйства шла на протяжении более четырёх тысяч лет, начиная с живших ещё в бронзовом веке далёких предков нынешних таджиков и других народов данного региона. Поэтому не вызывает удивления тот факт, что в различных регионах Таджикистана, в соответствии с особенностями местных природных условий и этнокультурных традиций населения, сложились весьма разные способы организации и ведения скотоводческой составляющей хозяйства, или формы скотоводства.

Видовая структура поголовья скота у таджиков в начале XX в. очень сильно различалась в разных районах их проживания вследствие принципиально различного соотношения роли земледелия и скотоводства в их хозяйстве из-за природных особенностей местности и обеспеченности пахотными угодьями. Но и в расположенных в одной местности отдельных домохозяйствах, в зависимости от уровня их зажиточности, тоже очень сильно варьировали как набор и поголовье имеющихся видов домашних животных, так и соотношения их численности.

Однако в конце XIX – начале XX в. практически во всех районах расселения таджиков общей и определяющей чертой скотоводства у этого народа древней земледельческой культуры была ориентация на содержание КРС. На рабочих волах пахали и с их помощью обмолачивали зерно, а в горных районах их же впрягали в сани-волокуши для транспортировки грузов во все сезоны года. Дойные коровы давали молоко для изготовления молочных продуктов, в первую очередь масла и сыра, которые играли важнейшую роль в рационе питания. Мясо тех и других также употреблялось в пищу, но подобное использование крупного рогатого скота далеко уступало по своему значению роли волов как тягловых животных при пахоте и коров как источника молочных продуктов. Таджики и жители Западного Памира разводили зебувидный скот местной породы. Наличие в крестьянском хозяйстве пары рабочих волов и дойной коровы характеризовало его как относительно благополучное, тогда как отсутствие волов и коровы означало явную бедность (Абдулвахидов, 2011б. С. 62–64; Кисляков, 1962б. С. 553, 668). Наряду с обычными быками и коровами местной породы, в Шугнани и Верхнем Каратегине разводили также яков, носивших название «кутос» (Абдулвахидов, 2016. С. 91; Каландаров, 2004. С. 181).

В начале XX в. некоторые зажиточные хозяйства и многие богачи в равнинных и предгорных районах держали также овец и коз, нанимая для этого чабанов. Причем они в основном разводили очень крупных по своим размерам курдючных овец гиссарской породы, хорошо приспособленных к зимнему выпасу. Горные таджики и жители Западного Памира, в том числе и не очень зажиточные, разводили гораздо более мелкую дарвазскую породу овец, или *гадик*, которая, однако, давала шерсть лучшего качества и к тому же зимой могла находиться в стойле (Абдулвахидов, 2011б. С. 70–71; Кисляков, 1962б. С. 570, 668). Овцы и козы обеспечивали таджикских крестьян шерстью, мясом и молоком для приготовления молочных продуктов. В таджикской кухне особенно высоко ценилась баранина, получаемая от специально откормленных перед забоем на мясо овец, и также широко использовалось курдючное сало (Абдулвахидов, 2016. С. 104, 115, 165).

Шкуры КРС и МРС применялись при изготовлении обуви, различных элементов домашнего убранства (подстилок, покрывал и т. д.), некоторых хозяйственных приспособлений (бурдюков, мешков и т. п.). Из шерсти ткали и шили или вязали предметы одежды, а также валяли войлок (кошмы и т. д.). Вообще для таджиков в конце XIX – начале XX в. было характерно, с одной стороны, развитие специализированного ремесленного производства в некоторых селениях, особенно на равнинах и в предгорьях, а с другой стороны, в труднодоступных горных районах крестьяне почти все необходимые им предметы материальной культуры и орудия труда изготавливали самостоятельно. Это в полной мере относилось и к переработке такой продукции скотоводства, как шкуры и шерсть (Абдулвахидов, 2013. С. 63–64).

В богатых хозяйствах таджики держали верховых лошадей местной породы «карабаир» или менее крупных, но более выносливых лошадей локайской породы. В горных районах лошадей неопределенной местной породы также часто использовали как вьючных животных, а в северных районах современного Таджикистана – и как упряжных, запрягая их в двухколесные арбы для перевозки грузов (Кисляков, 1962б. С. 571, 609, 611).

Для бедняков ездовым животным чаще всего служил осёл, и практически в каждом крестьянском хозяйстве, бедном или богатом, ослов также активно использовали для перевозки грузов вьюками, особенно в горах, или в арбах в Ферганской долине (Абдулвахидов, 2011б. С. 76; Шишов, 2006. С. 211). Особенно большое значение в хозяйстве таджикских крестьян ослы имели в горных районах, где их даже могли иногда использовать и как тягловых животных при пахоте (Шишов, 2006. С. 219).

Разведение еще одного вида вьючных животных, верблюдов, использовавшихся в основном для караванной торговли или перевозки чабанами грузов вьюками при дальних перегонах скота, редко встречалось среди собственно таджиков. Однако в конце XIX – начале XX в. эта отрасль скотовод-

ства была отмечена у них как в северных, так и в южных районах современного Таджикистана и даже на Западном Памире (Абдулвахидов, 2016. С. 141, 169, 294), а также в Зеравшанской долине, где содержали однокорбых верблюдов с местным названием «нар» (Шишов, 2006. С. 210).

Кроме того, домашний скот давал навоз – очень ценное удобрение, применявшееся только на орошаемых полях и обычно бывшее в дефиците. При этом у таджиков и жителей Западного Памира навоз от КРС шел только на удобрения, а от МРС – частично использовался и как топливо (Кисляков, 1962б. С. 554, 664).

Для таджиков как народа с древней и высокоразвитой земледельческой культурой на рубеже XIX–XX вв. было характерно выращивание кормовых трав на орошаемых полях, особенно в равнинной зоне, где остро не хватало пастбищных угодий из-за высокой степени распаханности территории. Посевы основной кормовой культуры, клевера (*Trifolium*), обычно давали три укоса за лето, а на четвертый раз его уже не косили, оставляя под выпас скота поздней осенью и зимой. На орошаемых полях выращивали также люцерну (*Medicago*), которая в Ферганской долине, например, могла давать до четырех укосов в год и после посева плодоносила до десяти лет подряд (Абдулвахидов, 2016. С. 65–66). Ее также сушили и на зиму, на корм лошадям или крупному рогатому скоту. После уборки озимых культур, на тех же участках полей летом выращивали джугару (сорго – *Sorghum durra*), а с конца XIX в. и кукурузу. Их зеленые побеги и листья шли на корм рабочим волам и дойным коровам, а после созревания стебли высушивали и использовали как топливо, листья – как корм (Абдулвахидов, 2011б. С. 37).

В качестве кормов для скота таджики в конце XIX – начале XX в. также широко использовали солому, как цельную, так и рубленую – *саман*. Последний получали после молотбы зерновых молотильной доской под названием *вал* (Кисляков, 1962б. С. 553). Пшеничная солома как более ценный корм предназначалась прежде всего лошадям и коровам перед отелом, но ее и ячменную солому, высушенные стебли чечевицы, гороха и других сельскохозяйственных культур также давали волам и ослам. МРС при подкормке чаще получал сено с естественных сенокосов, но иногда в горных районах овцам и козам зимой давали и солому. Сено таджики заготавливали обычно с помощью серпа (Абдулвахидов, 2011б. С. 36–37).

ФОРМЫ ТРАДИЦИОННОГО СКОТОВОДСТВА

Для дальнейшего упорядоченного изложения материалов о традиционном скотоводстве таджиков и его региональных вариациях следует сделать небольшое отступление, кратко остановившись на вопросе о формах скотоводства. Дискуссия о проблемах этнографической классификации и типологии скотоводства с участием ведущих ученых, работавших в этой области, прошла в 1982 г. на страницах журнала «Советская этнография» (№ 3, 4). Позднее, в середине 1980-х годов, вышли многочисленные новые статьи по данной тематике. Однако тогда так и не удалось достичь консенсуса об используемых терминах или принципах классификации либо типологии традиционного скотоводства (см. подробнее: Ямсков, 1986. С. 23–24). Далее мы

Вожак козьего стада. Около бывшего сел. Сичарог.
Рогунский район. Долина р. Вахш. 2017 г.
Фото М. Г. Никифорова

будем во многом ориентироваться на терминологию, предложенную известными специалистами по скотоводству народов Кавказа (*Шамиладзе, 1979*) и Средней Азии, в том числе Южного Таджикистана (*Кармышева, 1969, 1982*), и на наш ранее сформулированный общий подход и результаты типологии форм скотоводства (*Ямсков, 1986. С. 24–26*).

Как и в случае Кавказа, адекватная для Таджикистана и в целом Средней Азии система используемых терминов из области классификации либо типологии форм скотоводства должна прежде всего позволять ясно различать таковые у исторически оседло-земледельческих народов, в том числе практикующих дальние сезонные отгоны скота и, с другой стороны, кочевых скотоводческих групп населения (*Дмитриев, 2017. С. 106; Johnson, 1969. P. 18–19*). Но не менее важным требованием к действительно обоснованной системе применяемых терминов является следующее. Она должна обеспечить возможность отделять пастушеские формы ведения скотоводства оседлого населения, предполагающие дальние отгоны скота чабанами на длительные периоды времени, например, на весь летний или зимний сезоны, от круглогодичного содержания домашних животных в селе и на выгонах у села либо в пределах присельского хозяйственного ареала (*Дмитриев, 2017. С. 106*).

В этой связи важно также отметить, что даже в одном домохозяйстве, не говоря уже об одном селении, могут сочетаться разные формы скотоводства при содержании разных видов или пород домашних животных. Кроме того, для ухода от излишнего акцента на вопросы типологии или классификации вариантов ведения данной отрасли хозяйства, термин «форма скотоводства» далее будет использоваться для обозначения любого таксономического уровня в типологической схеме, характеризующей многообразие проявлений данной отрасли хозяйства.

В основу типологии форм традиционного скотоводства целесообразно положить экологический подход, основанный на учете качественных вариаций пищевых и иных энергетических связей в экосистеме «человек – домаш-

Доярка Ширинмо Худайназарова за дойкой ячихи.
Памир. 1949 г. Фото О. Кузьмина.
Архив ИИАЭ НАНТ. Кол. № 5

ние животные – освоенная территория» в течение года, то есть на протяжении всех основных сезонов.

Например, в последнем звене «домашние животные – освоенная территория» пищевые связи животных могут проявляться следующим образом. Выделяются, как известно, стойловое содержание скота (когда человек кормит животных заготовленными им или выращенными кормами), пастбищное содержание (когда животные кормятся на пастбище самостоятельно, под присмотром пастуха или без такового), или их комбинация (когда в течение года чередуются сезоны стойлового и сезоны пастбищного содержания скота). Важно также уточнить, что стойловое содержание характеризуется именно и только тем, что выживание домашних животных зависит прежде всего от кормов, даваемых им человеком в течение соответствующего сезона года, а не нахождением скота в этот период года в хлевах или иных помещениях.

В первом звене «человек – домашние животные» возможно постоянное поддержание пищевых связей человека с его скотом (через потребление молока и молочных продуктов, мяса) в течение всего года благодаря оседлому образу жизни в селении вместе с домашними животными, содержащимися в этом же селе и в его окрестностях. От селения до присельских пастбищных участков человек может пройти пешком в течение максимум нескольких часов. Такое содержание скота можно назвать придомным, или присельским.

Тот же самый эффект постоянного поддержания пищевых связей человека с его домашними животными обеспечивает кочевой образ жизни с периодическими перемещениями всех или большинства членов семьи скотовода вместе с их стадами по обширной освоенной территории. Подобное содержание домашних животных можно назвать кочевым, оставив термины «кочевой» или «полукочевой» для характеристики образа жизни самих скотоводов.

Но возможен и вариант сезонного прерывания прямых пищевых связей человека с его домашними животными вследствие того, что часть членов

семьи оседло живущего владельца скота или наемные работники отгоняют этих животных на весь сезон на дальние пастбища, расположенные за пределами прилегающего к селу хозяйственного ареала. Отдаленные пастбища находятся на таком расстоянии от селения, что человек не может дойти туда пешком и вернуться в село, например, с молочными продуктами в течение одного дня. Использование отдаленных пастбищ в летний сезон предполагает заготовку там молочных продуктов, пригодных для хранения (то есть приготовление топленого масла и сыра), и последующую их перевозку в селение к основной части потребителей.

Наконец, энергетические связи в звене «человек – освоенная территория», обусловленные использованием в качестве топлива, необходимого в том числе и для приготовления мясной или молочной пищи, растений (будь то естественной древесно-кустарниковой растительности или отходов растениеводства) или кизяка, могут проявляться следующим образом. Они могут быть локализованы на относительно ограниченной присельской освоенной территории, все участки которой находятся в пределах пешей доступности, так как расположены непосредственно вокруг села, в котором размещается домохозяйство (у оседлых земледельцев). Но подобные связи могут быть также привязаны, полностью либо частично, в разные сезоны года к различным, отдаленным друг от друга целыми днями пути, участкам обширной освоенной территории. Между такими пространственно разделенными участками сезонно передвигаются, пользуясь их ресурсами топлива, либо все члены домохозяйства скотовода (кочевники и полукочевники), либо только та часть работников, которые ухаживают за домашними животными (оседлые земледельцы с сезонным отходом со скотом части работников).

Комбинирование всех теоретически возможных и исторически наблюдавшихся сочетаний указанных экологически значимых типов связей между семьей скотовода, их домашними животными и освоенной территорией, позволяет нам выделить следующие основные типы скотоводства (см. также: Ямсков, 1986. С. 25):

- Придомное, или присельское скотоводство оседлого населения, включающее в себя подтипы: придомный стойловый (или просто стойловый), придомный выгонный (или просто выгонный, сочетающий сезонны стойлового и пастбищного содержания скота в окрестностях села), придомный пастбищный (с круглогодичным выпасом в пределах присельского хозяйственного ареала).
- Пастушеское, или подвижное скотоводство оседлого населения с сезонным отходом за пределы присельского хозяйственного ареала части работников со скотом, с подтипами: отгонным (с сезонами стойлового и пастбищного содержания) и перегонным (с пастбищным содержанием в течение всего года).
- Номадное скотоводство кочевого и полукочевого населения, состоящее из подтипов: номадного пастбищного (без заготовок кормов, то есть с пастбищным содержанием в течение всего года) и номадного яйлажного (с сезонами стойлового и пастбищного содержания, что иногда встречалось у полукочевников).

Обработка молока. Мешки с пахтаньем от масла, подвешенные около капп на перекладинах у летних жилищ капа. Таджикистан, Ленинабадская область, д. Урмитан. Первая треть XX в.
МАЭ РАН. Кол. № 3489–118

Последний подтип иногда практиковался применительно к содержанию верховых лошадей, тягловых волов и части дойных коров у полукочевников-узбеков на юге Таджикистана. Именно его описала Б. Х. Кармышева, правда, используя иные термины (*Кармышева*, 1969. С. 46). Номадное скотоводство и его составляющие нами далее рассматриваться не будут как исторически нехарактерные для таджикского населения.

С другой стороны, богатство традиционной хозяйственной культуры таджиков было столь велико, что у них встречались буквально все теоретически возможные основные подтипы придомного и пастушеского скотоводства в их самых разнообразных вариантах, о чем и пойдет речь далее.

Придомное стойловое скотоводство является, как правило, очень редкой для традиционного хозяйства формой, но оно иногда встречалось в городах и крупнейших селениях Ферганской долины, где в богатых хозяйствах таджиков подобным образом содержали верховых лошадей, ослов и дойных коров. В южных районах Таджикистана стойловое скотоводство, предполагающее кормление животных в течение всего года, было характерно лишь для содержания верховых лошадей у части зажиточных таджиков-чагатаев, живших на равнинах и в предгорьях (*Кармышева*, 1969. С. 48–49). Животные при этой форме скотоводства полностью зависели от даваемых им хозяевами кормов на протяжении всех сезонов года, а эпизодические выгоны на пустоши у селения, обеспечивая лишь очень небольшую часть необходимых кормов, преследовали цель прежде всего дать скоту возможность отдыха на солнце и свежем воздухе вне тесных хлевов или загонов. В качестве кормов обычно использовались отходы земледелия (солома и саман), верховым лошадям также часто давали зерно (ячмень, джугара, в горах еще и овес), и всем видам скота – специально выращенные кормовые травы, в том числе сено из последних.

Своеобразный вариант стойлового скотоводства, охватывавший совсем небольшую часть домашних животных, встречался в первой половине XX в.

Стадо коров на трассе Душанбе-Хорог. 2019 г.
Фото М. Г. Никифорова

на Западном Памире, в селениях долины Хуф, относящейся к Рушану. Там иногда откорм отдельных баранов к празднику Курбан растягивали на два-три года, и все это время таких специально выделенных животных содержали в хлеву на заготовленных кормах, в буквальном смысле слова никогда не выпуская их на выгоны. Считалось, что именно таким образом можно обеспечить наилучшие вкус и другие качества мяса (Писарчик, 2020. С. 302).

В целом данная форма традиционного скотоводства была весьма редкой и встречалась лишь в хозяйствах с высоким достатком, но именно у таджиков с их древней земледельческой культурой – несколько чаще, чем у остальных народов юга Средней Азии.

Существует также ряд переходных вариантов между этой формой и придомным выгонным скотоводством, характеризующимся хотя бы одним полным сезоном пастбищного и несколькими сезонами стойлового содержания животных, что иногда затрудняет их разделение.

Придомное пастбищное скотоводство – тоже очень редко встречавшаяся у таджиков и других народов Средней Азии форма скотоводства, при которой животные весь год пасутся на присельских пастбищах. Природные условия субтропических равнин и предгорий Таджикистана делали эту форму скотоводства потенциально вполне возможной. Однако в реальных условиях высоких показателей плотности земледельческого населения и распаханности территорий, для круглогодичного пастбищного содержания скота вблизи селения просто не оставалось достаточной площади пригодных для выпаса земель. К тому же в силу климатических условий на равнинах и в предгорьях травянистая растительность на пастбищах к началу лета обычно почти полностью «выгорает», так что емкость таких пастбищных участков в летний сезон резко снижается.

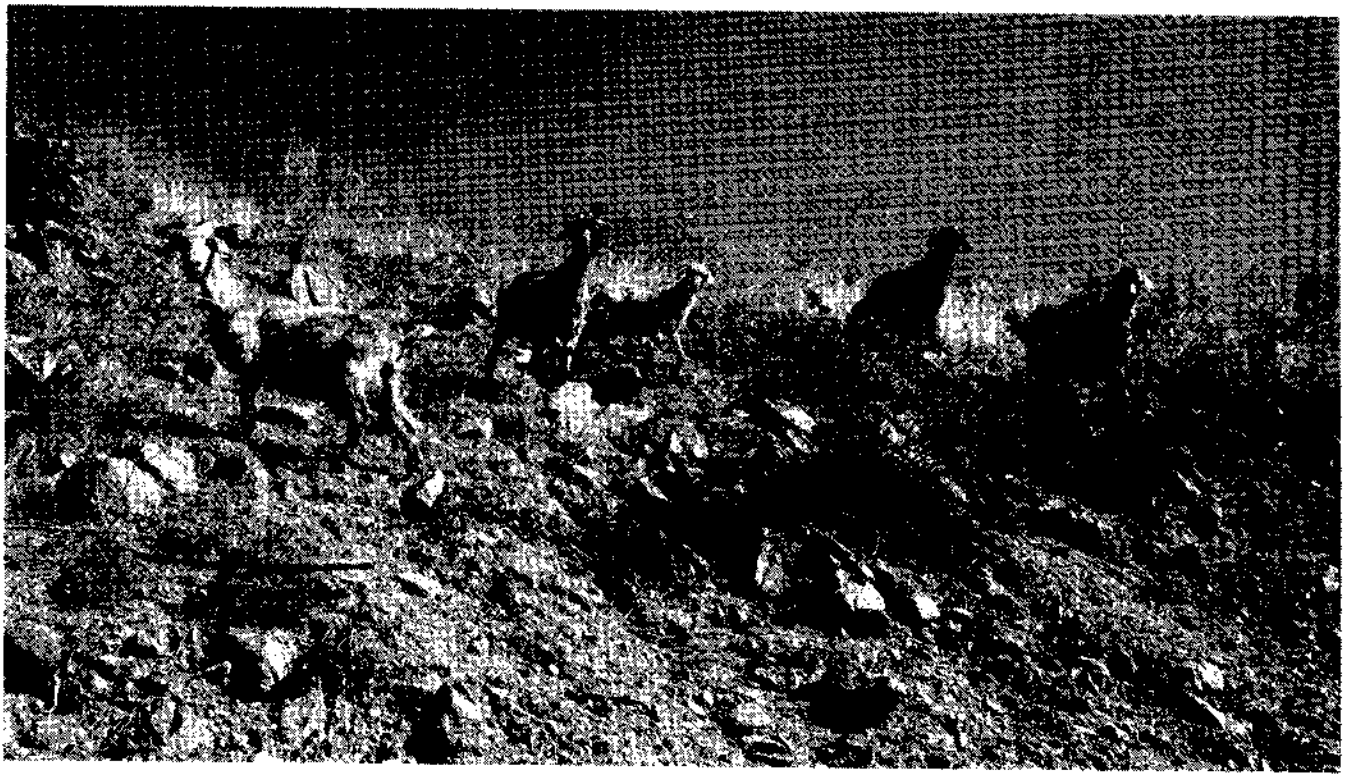
Выпас овец в горах. Хатлонская обл.
Фото Н. А. Дубовой. 2016 г.

Однако в некоторых таджикских селениях, расположенных вблизи речных долин, жители могли держать часть животных, прежде всего овец и коз, весь год в условиях выпаса на приречных пойменных лугах или на окраинах тугайных лесов и камышовых зарослей недалеко от своих поселений, а также использовать для выпаса убранные поля и неудобья у села. Например, некоторые таджики-чагатаи, жившие на равнинах и в предгорьях, содержали таким образом часть своего скота, кроме верховых коней и рабочих волов, весь год на присельских пастбищах (Кармышева, 1969. С. 48).

Во время эпизодических зимних снегопадов или в периоды особо длительных летних засух, при недоступности или дефиците пастбищных кормов, хозяева могли подкармливать своих животных отходами земледелия, то есть соломой или саманом. Так что иногда складывались своеобразные формы содержания домашних животных, переходные между придомным пастбищным и выгонным скотоводством.

Придомное выгонное скотоводство – наиболее распространенная у оседло-земледельческого населения форма, при которой в годовом цикле сочетаются выраженные сезоны пастбищного и стойлового содержания домашних животных. Эта форма скотоводства встречалась или даже преобладала у таджиков на равнинах и в предгорьях. Иногда она отмечалась и в горах в тех селениях, где у жителей по каким-либо причинам не было доступа к дальним летним пастбищам либо, напротив, имелось много хороших пастбищ непосредственно у села.

Так, у таджиков Ферганской долины и окрестностей Самарканда, в хозяйстве которых абсолютно доминировало земледелие, около трети от всего поголовья скота приходилось на коров, но их имели лишь 30% хозяйств. Скот весной и летом пасли в окрестностях селений, на выгонах или незасе-

Козы после стрижки пасутся в горах около бывшего сел. Сичарог Рогунский район. Долина р. Вахш. 2017 г. Фото М. Г. Никифорова

янных либо убранных полях, собирая животных в общие стада и нанимая для них пастухов. Значительную часть года домашние животные проводили на стойловом содержании на усадьбах владельцев. Хлев для рабочих быков и дойных коров назывался здесь *огил*, это была глинобитная постройка без окон. Кормом для КРС чаще всего служила измельченная солома пшеницы или ячменя *ках*, а также солома от проса, бобовых, листья и стебли сорго, листья абрикосов. Поскольку рабочие быки зимой практически не использовались в хозяйстве, то на них экономили корма и содержали впроголодь, откармливая только перед началом весенних сельскохозяйственных работ (Абдулвохидов, 2016. С. 167–169).

Но выгонное скотоводство иногда имело место и в горных таджикских селениях, особенно хорошо обеспеченных присельскими пастбищами, например, таких, как Шаидон в Бальджуане. Здесь дойных коров все лето содержали в условиях вольного выпаса, а ночь они проводили на усадьбах владельцев, где их и доили утром и вечером. Однако для того, чтобы избежать потрав полей, коров отгоняли с утра на достаточно отдаленные от селения выгоны, где их и оставляли на весь день без присмотра (Абдулвохидов, 2016. С. 176).

Формально к придомному, или точнее к присельскому, содержанию домашних животных следует отнести также и такую своеобразную и ранее очень широко распространенную среди таджиков форму, как **выгонное скотоводство с использованием летних хозяйственных баз**, которое тоже осуществлялось в пределах единого присельского хозяйственного ареала.

Подобная форма скотоводства, видимо, вообще была преобладающей у таджиков, особенно в предгорьях. Она базировалась на использовании в весенне-летний сезон *летовок*, или временных хозяйственных баз для содержания скота, расположенных в пределах присельских территорий отно-

сительно недалеко от селений. Например, на северо-востоке современной Хатлонской области жители селений Порвор и Сари Магзор на летовку отправлялись в Лави Гор и Курушон. Таджики из селения Ел выезжали на летовку Девлохам, находящуюся в приблизительно 3 км. Селение Сари Магзор на летовку переезжало в местность Сари Магзори тор, расположенную выше в горы и всего в 0,5 км от этого села. Таджики из села Ходжи Асми, находящегося в предгорной части современной Сурхандарьинской области Узбекистана, выходили на расположенную в 2 км от селения летовку, называвшуюся у них аул Чакил (Абдулвохидов, 2016. С. 161–163).

Вероятно, одним из наиболее ярких примеров подобной формы содержания скота служил Хуф в начале – первой половине XX в., подробно описанный М. С. Андреевым (Андреев, 2020. Вып. II. С. 114–150). Эта горная долина в Рушане (Западный Памир), лежащая в основном выше 2500–3000 м над уровнем моря, считалась хорошо обеспеченной скотом. Однако долгие и снежные зимы исключали здесь зимний выпас и требовали заготавливать большое количество кормов для крупного и мелкого рогатого скота и немногих лошадей, находившихся на стойловом содержании от 6–7 до 8 месяцев (Андреев, 2020. Вып. II. С. 114–115, 117).

Весной, с окончанием сезона стойлового содержания, скот первоначально выпасали непосредственно у селений в долине Хуф, но по мере появления и развития на полях всходов готовились к его выгону на летовки, в том числе и для того, чтобы домашние животные не потравили основные посевы. В начале, примерно через 20 дней после окончания сева, скот и сопровождавшие его люди переходили на летовки *шито-йиль* (холодные летовки), расположенные наиболее далеко от села, в примерно 4–5 км, и выше всего в горах. Этот выход воспринимался как праздник, осуществлялся одновременно всеми селениями после активных обсуждений, и к нему готовились на протяжении несколько предшествовавших дней. На этих дальних летовках у каждой зажиточной семьи были участки пашни и рядом с ними – свой небольшой грубо сложенный каменный дом с пристроенными к нему крытыми хлевами: один побольше для овец и коз (*йуст*), и два поменьше (*варгухт*), для телят и отдельно для ягнят и козлят. Рядом находился открытый загон для коров (*хез*), а гулевой КРС и лошади паслись самостоятельно, без пастухов, на пастбищных участках *шлок*.

На таких дальних летовках обычно вместе располагались от двух до пяти хозяйств из одного селения, причем на летовки уходили практически все жители, кроме некоторых стариков и старух. Мужчины, однако, периодически спускались в селения для полива и иного ухода за посевами, но в тот же вечер обычно возвращались на летовки. Скот на летовках находился на вольном выпасе до тех пор, пока не поднимались всходы на засеянных участках, но телят, козлят и ягнят всегда пасли подростки. Пребывание на таких дальних летовках длилось около 40 дней (Андреев, 2020. Вып. II. С. 133–135).

Потом жители Хуфа переходили на ближние летовки (*шувде-йиль*, т. е. малые летовки), расположенные на расстоянии от 2–3 до 0,5 км от селения. К этому времени на дальних летовках весь скот уже надо было тщательно пасти во избежание потрав посевов, и из-за продолжительного выпаса уже

бывала стравлена почти вся трава. Но на ближних летовках к этому времени травяной покров восстанавливался после раннего весеннего выпаса. Женщинам в этот период года требовалось пропалывать основные посеы пшеницы и проса у селения, и это было ещё одной причиной переселяться ближе к своему селу. Мужчины по-прежнему работали как в селе или его окрестностях, так и на ближней летовке, проводя основное время на последней. На ближних летовках пасли уже весь скот, объединяя его в общие соседские стада – отдельно коров, отдельно овец и коз. Телят и ягнят с козлятами отдельно пасли в каждом хозяйстве. Длительность пребывания на ближней летовке составляла от одного до полутора месяцев, в зависимости от погодных условий (Андреев, 2020. Вып. II. С. 135–137).

На следующем этапе летнего хозяйственного цикла жители долины Хуф вновь возвращались на свои те же самые дальние летовки, которые теперь называли уже *Хайде-йиль*, или большая летовка. К этому времени там восстанавливался травяной покров на пастбищах. Приход на эту большую летовку был вторым по своему значению сельскохозяйственным праздником в году, после первой весенней ритуальной заправки *раж-зед*. Но сразу после этого праздника у мужчин начиналась летняя земледельческая страда – заготовки сена, жатва проса и ячменя, а потом и пшеницы у селения, затем уборка ячменя на летовках. Пребывание на большой летовке длилось до осени, заморозков и окончания уборки урожая, то есть еще около полутора месяцев. Потом скот пригоняли в село, и там он пасся на уже убранных полях без присмотра, приходя на ночь на усадьбы владельцев (Андреев, 2020. Вып. II. С. 137–138).

Содержание скота на летовках сопровождалось постоянной работой женщин по заготовке молочных продуктов, в первую очередь масла. Обычно топленое масло на зиму готовили там из кислого молока, причем часто для этого сливали вместе молоко коровье, овечье и козье (Андреев, 2020. Вып. II. С. 138–142). Впрочем, нередко масло по мере его накопления относили с летовок в селение и там хранили в закопанных в землю кувшинах, а перетапливали его уже непосредственно перед употреблением (Писарчик, 2020. С. 305). Заготовки масла были важнейшей хозяйственной задачей на летовках с их хорошими, как правило, пастбищами.

На летовках также собирали навоз для его последующего использования в качестве удобрения или топлива-кизяка, что тоже было очень важной задачей в летний сезон (Андреев, 2020. Вып. II. С. 136).

Традиционное скотоводство таджиков в тех его формах, которые были зафиксированы в конце XIX – начале XX в., демонстрирует наличие многих вариантов содержания скота, которые являются переходными между выгонным скотоводством с использованием летних хозяйственных баз и собственно отгонным скотоводством. Так что бывает не всегда просто провести разграничение между наиболее отдаленным присельским пастбищем, где устроена и используется все лето хозяйственная база для содержания скота и заготовок молочных продуктов, и наиболее территориально близкими к селению отгонными пастбищами.

Видимо, главным критерием для разделения указанных форм скотоводства должна служить не формальная привязка используемых пастбищ

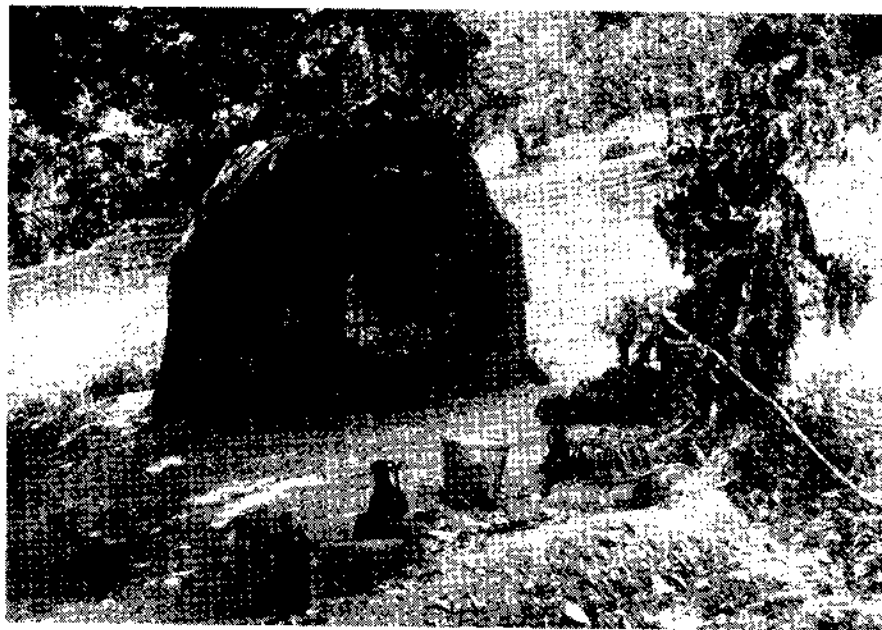
к сельским или иным государственным землям и даже не фактическое расстояние от них до селения, а характер и интенсивность социальных контактов работников, занятых в данной форме скотоводства, с домохозяйствами владельцев скота. Придомное выгонное скотоводство с использованием летних хозяйственных баз вне основного селения предполагает регулярное, как минимум раз в несколько дней или раз в неделю, поступление молочных продуктов, заготовленных на пастбище, в семьи владельцев скота и в их дома в селе. Для этой формы скотоводства также характерны не менее частые контакты лиц, ухаживающих за скотом, со своими оставшимися дома односельчанами. С другой стороны, при собственно отгонном скотоводстве поставки летом молочной продукции в селение проводятся лишь эпизодически, и социальные контакты большинства ушедших с отогнанным стадом работников со своими односельчанами, по сути, прерываются на весь период использования отгонных пастбищ.

Пастушеское отгонное скотоводство, как и предыдущая форма ведения скотоводческой отрасли хозяйства, тоже была очень характерна для горных групп таджиков и жителей Западного Памира.

Своеобразный вариант отгонного скотоводства описан, например, М. С. Андреевым на примере той части жителей долины Хуф в Рушане, которая ранней весной, сразу после окончания сезона стойлового содержания длительностью от 6–7 до 8 месяцев, отгоняла свой КРС и МРС в Пастхуф. Эта местность и одноименное селение находятся примерно на 1000 м ниже, у впадения реки Хуфиндз в Пяндж. Весенний отгон, обычно начинавшийся в конце марта, был рассчитан на достаточно короткий период времени, всего от 20 до 40 дней. При этом требовалось преодолеть относительно небольшое расстояние, около 10 км или чуть более (Андреев, 2020. Вып. II. С. 10, 13, 21, 133; Писарчик, 2020. С. 301). Но путь туда шел по труднопроходимой горной местности, что резко осложняло поддержание постоянных контактов с покинутыми селениями в Хуфе. Поэтому можно считать эту форму скотоводства отгонной.

Именно весной обычно наиболее остро чувствовался дефицит кормов для скота, и поэтому весенний отгон в Пастхуф, который могли себе позволить лишь некоторые хозяйства из селений в долине Хуф, имевшие в Пастхуфе свои дополнительные пастбищные и пахотные угодья, был очень важен для них. Последующее летнее содержание скота этими хозяйствами уже не отличалось от того, что практиковали на своих летовках остальные жители селений долины Хуф, к которым и присоединялись те, кто воспользовался весенними пастбищами в Пастхуфе. Но жители селения Зерде в Хуфе, помимо весеннего, практиковали еще и кратковременный осенний отгон в Пастхуф. Он начинался сразу после возвращения с летовок и длился около 20 дней. Затем скот возвращали на присельские пастбища своего селения Зерде в долине Хуф и вскоре его там переводили на стойловое зимнее содержание (Андреев, 2020. Вып. II. С. 138).

В зависимости от того, насколько велика была роль зимней подкормки домашних животных в обеспечении их выживания в этот самый сложный для скотоводов сезон года, конкретный способ содержания скота можно отнести к отгонному (с выраженным стойловым сезоном) либо к перегонному (лишь с эпизодической подкормкой в отдельные дни). Естественно, в реаль-

Летнее жилище «капа». Таджикистан, Ленинадская область,
д. Урмитан. Первая треть XX в.

МАЭ РАН. Кол. № 3489–72

ной жизни имелось много переходных вариантов содержания скота зимой, то есть таких, про которые сложно однозначно сказать, был ли там выраженный сезон стойлового содержания, или же имели место лишь частые зимние подкормки домашних животных.

Пастушеское перегонное скотоводство, определяемое круглогодичным пастбищным содержанием домашних животных на участках, хотя бы часть которых расположена вдали от селения, то есть за пределами присельского хозяйственного ареала, была в основном связана у таджиков с разведением овец в наиболее богатых хозяйствах и чаще всего сопровождалась наймом профессиональных чабанов.

Одним из примеров такой формы скотоводства может служить таджикский кишлак Хуффар, расположенный в современной Сурхандарьинской области Узбекистана. Здесь в конце XIX – начале XX в. в зимнее время основную часть своего скота, кроме дойных коров, жители держали на дальних степных пастбищах, распределив животных в несколько сельских стад по видам. Но уже в марте весь скот селения пригоняли на присельские летовки-«аулы» (Абдулвохидов, 2016. С. 164).

В горах Зеравшана многие таджики также практиковали перегонное овцеводство, отгоняя на всю зиму свои отары в равнинные степные районы нынешнего Южного Таджикистана или в Карши либо Джизак в современном Узбекистане. На лето они возвращали эти отары к себе в горы, на более или менее отдаленные от их селений пастбища (Абдулвохидов, 2016. С. 177).

ПАСТУШЕСКАЯ КУЛЬТУРА ТАДЖИКОВ

Высокий уровень развития традиционного скотоводства таджиков определялся самим фактом богатства и разнообразия различных придомных и пастушеских форм ведения этой отрасли хозяйства. Интересно отметить, что и в народной культуре тоже имелось четкое различие форм пастушеского

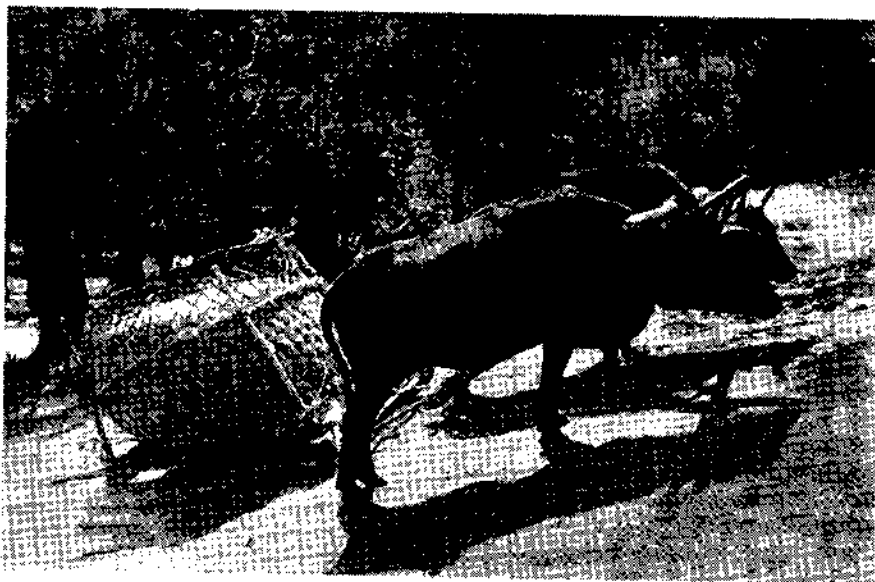

Возвращение с летовки. Таджикистан,
Искандеровская волость. Бассейн реки Пасруд. 1927 г.
МАЭ РАН. Кол. № 3557–229

и придомного скотоводства. Это даже нашло свое отражение в таджикской терминологии, обозначающей пастухов в зависимости от специфики их деятельность. Данная тема была подробно исследована Р. Абдувохидовым. Он указывает, что таджики разделяли пастухов на тех, кто пасет сельский скот на присельских территориях (*подабон* в придомном скотоводстве), и тех, кто ухаживает за скотом на отдаленных пастбищах (*дахмарда* и *чупон* в пастушеском скотоводстве) (Абдувахидов, 2011а. С. 176).

В тех равнинных, предгорных и горных селениях, где практиковалось придомное скотоводство, как правило, в форме выгонного содержания скота, жители формировали общественное стадо (*пода*), а если животных было много, то их делили на два стада – крупного рогатого скота (*пода*) и мелкого рогатого скота (*подаи мол*). Для выпаса нанимался пастух (*подабон*), либо жители сами пасли животных по очереди (такая практика именовалась *навбат* – очередь на выпас). В больших селениях общественные стада и наем для них пастухов либо очередность пастыбы организовывали отдельные части села, или кварталы (*гузар*). В каждом малом селении или в квартале большого села было место сбора стада (*подачо*), где ежедневно перед рассветом или при восходе солнца пастух принимал животных от хозяев и откуда вечером хозяева (обычно женщины или подростки) забирали домой свой скот.

Наем пастуха предполагал, что он знает пастбищные участки села и размеры доверяемого ему стада и считает, что пастбищных кормов достаточно для сезона пастыбы. Поэтому бывали случаи, когда опытные пастухи отказывались от найма, если они полагали, что сельские пастбища чересчур малы либо травяной покров на них слишком скуден для предлагаемого количества домашних животных и ожидаемой длительности сезона их выпаса. Ведь при нехватке кормов животные будут пытаться уйти с такого пастбищного участка, так что пастуху было бы очень сложно их постоянно там удерживать (Абдувахидов, 2011а. С. 177–178).

Перевозка соломы на снях *чигина*.
Тавильдара. Долина Обихингоу. 1932 г.
МАЭ РАН. Кол. № И 58–110

Наемный пастух получал от селения денежную или чаще натуральную оплату по окончании пастбищного сезона. В горах Куляба и в районе Ходжента ему полагалось выплатить по 1 *сангу* (т.е. по 5 кг) пшеницы за выпас одной головы КРС и по половине санга (2,5 кг) – за выпас одной головы МРС. Близкие размеры натуральной оплаты были и в Каратегине. В дополнение к этой основной оплате своего труда, сельский пастух также ежедневно, а под Ходжентом – раз в два дня, обходил дома хозяев выпасаемого им скота и получал от них *оши халол* (честно заработанный хлеб). Это была буквально одна лепешка от обычного домохозяйства, или сразу несколько лепешек от богатого дома с большим количеством скота в сельском стаде, а иногда – кислое молоко или просто какая-то готовая еда. Благодаря таким обычаям, сельские пастухи считались людьми, достаточно хорошо обеспеченными зерном и вообще продуктами питания (Абдувахидов, 2011а. С. 178–179).

В пастушеском скотоводстве таджиков сложилась весьма дифференцированная иерархическая система, отражавшая опыт и профессиональные возможности наемных пастухов. При отгонном или перегонном содержании МРС, когда большую часть года или буквально весь год пастухи с отарами находятся далеко за пределами селения, от них зависит очень многое, включая саму сохранность доверенных им домашних животных. Поэтому, при найме пастухов на выпас отары, богатый владелец овец и коз обычно заключал договор с главным, или старшим, чабаном, которого именовали *аркор*. И уже последний сам подбирал в помощь себе таких работников, как второй, тоже опытный пастух (*дахмарда* или *чупон*), а также начинающий чабан (*ало*) и пока еще неопытный помощник (*ердамчи*). Значение самого термина «дахмарда» (стоящий десяти мужчин) хорошо показывает то очень большое уважение, с которым таджики относились к опытному чабану (Абдувахидов, 2011а. С. 179–180). Эта развернутая терминология, отражающая опыт и возможности пастухов, одновременно является выражением основных этапов прохождения ими неформальной школы профессионального мастера чабана.

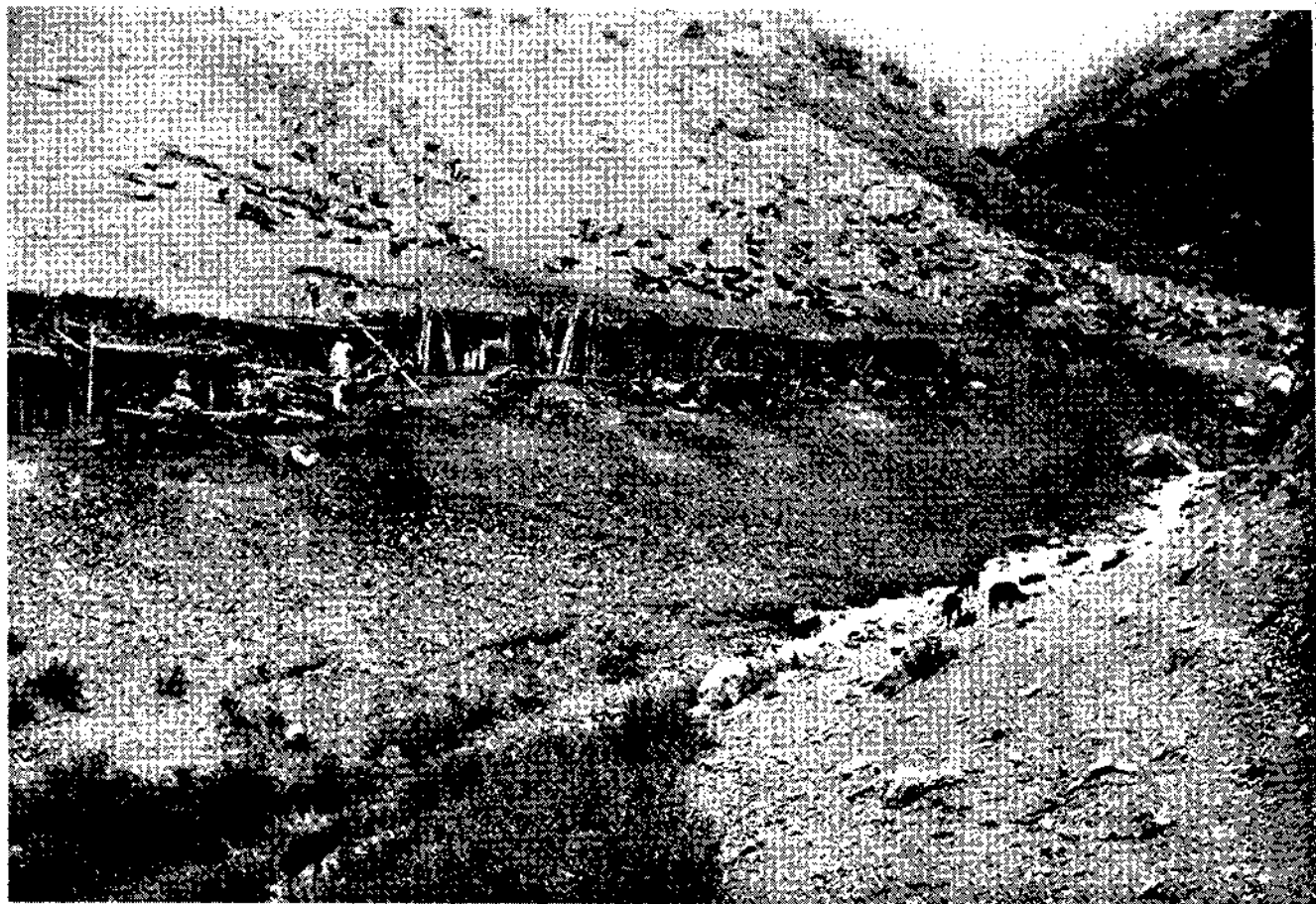
В основные задачи пастухов входила организация выпаса и перегонов скота, его охрана от хищных животных и воров, а также лечение некоторых наиболее распространенных болезней домашних животных (Абдувахидов, 2011а. С. 181–182). Оплата труда в пастушеском скотоводстве у таджиков очень сильно варьировала в зависимости от сложности условий выпаса, дальности перегонов отар и мастерства нанимаемого пастуха. В Бальджуване, например, после удачного пастбищного сезона старший чабан мог получить двадцать голов овец, его помощник – двенадцать, и младший чабан – шесть голов, а в случае успешно прошедшей зимовки на отдаленных пастбищах – еще столько же, то есть их оплата фактически удваивалась. В дополнение к этому, каждый пастух получал либо по одному барану в месяц, либо по полному комплекту одежды и обуви на год и ежемесячно – продукты питания для его семьи (Абдувахидов, 2011а. С. 182).

СКОТОВОДСТВО ТАДЖИКОВ В СЕРЕДИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Традиционная система хозяйства и, в частности, скотоводства таджиков серьезно трансформировалась после установления и укрепления Советской власти, прошедших в острой борьбе с басмачеством и сопровождавшихся большими экономическими потерями. Однако осуществившееся в те годы радикальное преобразование системы землевладения и землепользования, в том числе оптимизировавшее доступ на пастбищные земли всем владельцам скота, в сочетании с тогда еще незначительной численностью и плотностью сельского населения, в итоге способствовали развитию скотоводства. Одним из следствий тех преобразований стало резкое возрастание относительной роли таких способов содержания скота в колхозах и совхозах, которые по сути повторяли традиционное для таджиков пастушеское перегонное скотоводство и предполагали круглогодичное содержание домашних животных на пастбищах – горных летних и равнинных зимних (Кисляков, 1962б. С. 571).

С одной стороны, постепенный переход к содержанию все большего количества домашних животных на сезонных пастбищах в течение всего года в условиях относительного многоземелья был экономически весьма эффективен и позволял серьезно экономить на трудозатратах, ведь заготовка естественных кормов (сена) или выращивание кормовых культур требуют очень больших вложений труда. С другой стороны, из-за повышенной уязвимости таких способов содержания скота к колебаниям природно-климатических условий терялась общая устойчивость хозяйства. Например, зимой 1944–1945 гг. в Таджикистане из-за непогоды и бескормицы на пастбищах погибло 239 тыс. голов скота, так что потом поголовье пришлось долго восстанавливать (Абдуназаров, 2009. С. 16).

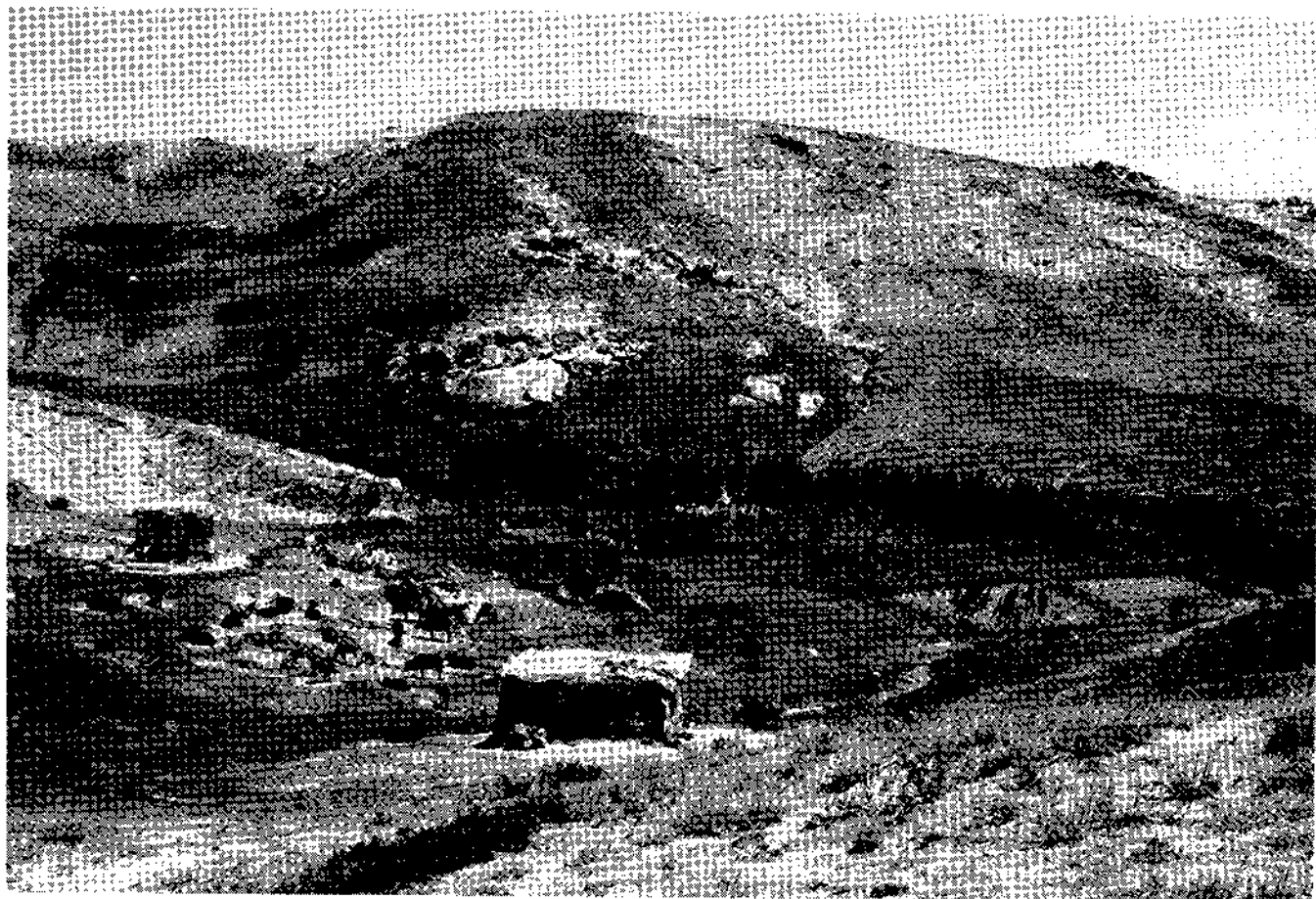
В советские годы общественное животноводство в Таджикистане восстанавливалось как минимум дважды – сначала после установления советской власти и подавления басмачества, а потом после больших потерь и дезорганизации в годы Великой Отечественной войны. Кроме того, если к концу 1920-х годов в республике удалось восстановить и даже немного превысить размеры поголовья, имевшегося в 1916 г., то коллективизация 1930-х годов

На летовке. Пос. Фалгар. Верховья Зарафашана. Согдийская область Таджикистана. 1925 г.
Архив ИИАЭ НАНТ. Личный фонд М. С. Андреева. Инв. № 1-167

тоже первоначально сопровождалась острым экономическим кризисом в сельской местности и значительным падением численности скота. В целом, вплоть до середины 1950-х годов общественное животноводство в Таджикистане в основном развивалось экстенсивно и по сути оставалось с примерно той же численностью домашних животных, что и накануне революции 1917 г. (Абдуназаров, 2009. С. 35). Однако это способствовало сохранению многих традиционных для пастушеского скотоводства таджиков практик содержания скота и использования сезонных пастбищ, которые оказались вполне востребованы и в новых социально-экономических условиях.

С середины 1950-х годов начался этап интенсификации и ускоренного развития общественного животноводства в Таджикистане, с сопутствующим проникновением новых, гораздо более продуктивных пород домашних животных и практик их содержания в личные подсобные хозяйства колхозников и рабочих совхозов (Абдуназаров, 2009. С. 35). Но одновременно быстро росло сельское население и общая нагрузка на сельскохозяйственные угодья, включая пастбища. Особенно тяжелое положение складывалось на зимних и весенне-осенних пастбищах, на которых по природным условиям Таджикистана скот должен проводить примерно 70% времени, тогда как на гораздо более обширных и лучше сохранившихся высокогорных пастбищах – всего лишь 30% времени пастьбы в течение года (Абдуназаров, 2006).

Летовка. д. Фароб, Верховья Зарафшана.
Фото Л. Додхудоевой, 2014 г.

После распада СССР и кровопролитной гражданской войны 1992–1997 гг. с сопровождавшей ее экономической разрухой и резким сокращением поголовья скота, общая численность домашних животных в Таджикистане довольно быстро восстановилась и продолжает расти. Но это, к сожалению, вновь сопровождается ухудшением качества пастбищных угодий и нарастающим дефицитом земель, пригодных для выпаса скота.

В обзоре основных проблем современного экстенсивного скотоводства постсоветских стран Средней Азии известный историк и этнолог, говоря о Таджикистане, отметил в первую очередь то, что порядка 85% пастбищ в республике страдают от выпаса избыточного количества скота и поэтому находятся ныне на разных стадиях деградации. Основной проблемой для дальнейшего развития скотоводства у таджиков, следовательно, является нехватка пастбищ и плохое состояние имеющихся (Хазанов, 2017. С. 60–61). Констатируя рост общего поголовья скота в Таджикистане в 2005–2014 гг. на 64%, примерно до 7,4 млн голов, среди которых на овец приходится 43,6%, коз – 25%, КРС – 30,5% (в том числе на дойных коров – 15%), эксперты ООН также указывают на вызванную этими процессами перегрузку естественных пастбищ. В результате от эрозии в средней или сильной степени страдают 89% площади участков, используемых под выпас скота летом, и 97% – зимой. Общая площадь пастбищ Таджикистана оценивается ими в 3,6 млн га, из которых 2,02 млн га приходится на летние пастбища в горах. Но в горах

наименее доступные 700 тыс. га более не используются под выпас, тогда как многие другие участки горных пастбищ тоже испытывают чрезмерные нагрузки (Таджикистан, 2017. С. 206–207, 214).

Тем не менее в последнее время отмечаются и некоторые положительные изменения в данной сфере. Например, началось внедрение прогрессивных приемов выпаса, таких как применение ограждений на пастбищах в сочетании с оценкой продуктивности отдельных огороженных участков и определением максимально допустимого для них поголовья выпасаемого скота и длительности его пастбы. Такой подход эффективно предотвращает перевыпас на землях кишлаков Пасруд и Шурмашк Согдийской области и в некоторых других местах. В долине реки Аллаутдин в центральной части страны жители перешли к строгому чередованию используемых участков пастбищ, естественно отграниченных реками или ручьями, через интервал в две недели. Этот простой способ также существенно улучшает состояние пастбищ, предотвращая на них почвенную эрозию, столь опасную в горах (Традиционные знания..., 2007. С. 24–25). Весьма перспективным видится также предложение превратить те наименее обеспеченные естественными осадками богарные пашни с их низкими и неустойчивыми урожаями, которые не могут быть орошены, в сеяные пастбища. Это позволит резко увеличить продуктивность последних и, следовательно, их емкость, что очень важно для животноводческой отрасли сельского хозяйства Таджикистана, испытывающей сейчас острый дефицит качественных пастбищ (Садриддинов, 2008. С. 54–55).

В традиционном хозяйстве таджиков скотоводство издавна занимало важное место и представляло собой развитую и глубоко дифференцированную на различные придомные и пастушеские формы отрасль. Эти хозяйственно-культурные скотоводческие традиции таджикского народа во многом сохранились до сегодняшнего дня и служат надежной основой для дальнейшего развития сельского хозяйства Республики Таджикистан.

РЕМЕСЛА, ПРОМЫСЛЫ И НАРОДНОЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

Памятники художественного и ремесленного производства Таджикистана – от неолита до настоящего времени, являются органической частью предметной среды, с которой повседневно соприкасается человек. Они одновременно принадлежат к сферам духовных и материальных ценностей и являются результатом глубокого осмысления человеком действительности и своего места в мире, высокой духовности, неистощимой фантазии, особой причастности к письменной культуре, насчитывающей более двух тысячелетий.

Этническое, культурное, климатическое и природное разнообразие Таджикистана нашло яркое отражение в народных ремеслах и промыслах. Для севера страны характерны изящная орнаментация, филигранная резьба по дереву, камню, ганчу, орнаментальная роспись, *кундаль*. Южным районам больше присущи монументальные, строгие и величественные формы с архетипами и реликтивными мотивами, истоки которых теряются в глубине веков,